

Мария Тараканникова

Настоящий волшебник

Неумолимо холодало. С каждым днем небо становилось серее. Коричневые листья скручивались все больше, таяли в грязных лужах. Черные деревья засыпали, убаюканные непрерывным дождем.

Наконец, налетел сильный холодный ветер, и утром следующего дня все замело первым снегом, мокрым и липким. Это был выходной, и с самого утра многие окна запотели от детских восторженных вздохов. Еле-еле дети дождались завтрака, обжигаясь, влили в себя по тарелке каши, и, радостные, выскочили во двор.

Серые дорожки от лопат-тракторов. Снежный бой. Первый снеговик. Следы на снежной целине. Зимние пылинки колот щеки. Варезжки промокли мгновенно. Сорок минут - и все, ошастливленные, по дома: сушиться.

Мороз – время перемен. Яркие пальто - на пуховики, ушанки сменяют кокетливые шляпки, зонты остаются дома. Мокрые лужи превращаются в твердый лед, нарядные деревья – в мертвые столбы, земля прячется под белоснежным покрывалом. Дома украшают цветные гирлянды, искрится серебряная мишура, новогодние шары и деды морозы всех размеров смотрят на озябших прохожих с витрин. Антресоли облегченно вздыхают, выпуская на свет весь год томившиеся игрушки. А магазинные полки тяжелеют; товары переставляют, освобождая место новогодней суete.

Елки, повсюду елки: высокие и низкие, зеленые и белые, колючие и пушистые. К празднику, увы, успеют запылиться и всем надоест. Но пока, прямо сейчас, они в радость! И день, когда выпал первый снег, - самый подходящий, чтобы написать заветное письмо, спрятать на ночь в морозилку или сразу отправить почтой, затаив надежду на ответ.

Письма приносят и летом, чтобы наверняка успело дойти, а у зимнего старца было время на подготовку. Но больше всего их, конечно, в конце ноября – декабре. По городу приходится устанавливать дополнительные почтовые ящики, а почтальонам работать сверхурочно. Конверты приходят со всей страны, из других стран. А еще ведь есть и обычная переписка, и посылки – всем хочется поздравить близких, даже если они далеко. Почта сбивается с ног, что же говорить о самой резиденции Деда Мороза, куда поступают миллионы писем от детей со всего света!

Будь ты хоть трижды волшебником, но в одиночку на все письма не ответишь, даже не откроешь их в срок. А живший здесь актер и вовсе не был чародеем. Он был уже седеющим мужчиной, в толстом свитере мышиноного цвета и огромных валенках без заплат. Своя борода росла куцо, а взгляд давно потух под ураганом житейских невзгод. Каждый день он приходил в резиденцию Деда Мороза, среди прочих сотрудников сдавал в гардероб потертую куртку, а меховую шапку, не снимая с головы, доносил до рабочего места и уже там прятал в ящик стола. Потом выпивал наперсток крепкого кофе, просматривал некоторые документы и ровно в назначенное время спускался вниз, в парадную залу. Возле нее в маленькой комнатке надевал новогоднюю шубу, густо мазал щеки румянами, прилаживал белую бороду и, вооружившись тяжелый посохом, выходил к ребятам, садился на свой снежный трон.

Мороз – время перемен. Вот и актер, только лишь накинув костюм, выпрямлял сутулую спину, начинал улыбаться, подбадривать робких, радоваться смелым. Экскурсанты сменяли друг друга, Дед Мороз то восседал на своем троне, приветствуя новых, то прохаживался по зале, садился за массивный стол, надевал круглые очки и погружался в работу. Иногда он действительно проглядывал письма, иногда выстругивал какую-то игрушку или раскрашивал новогодний шар. Но за годы своей работы он не закончил ни одной поделки. И все же дети с огромным интересом наблюдали, как трудится их кумир,

пока торопливый экскурсовод не уводил их на настоящий мастер-класс по плетению корзин или росписи свистулек.

В это время на втором этаже резиденции обычные сотрудники сортировали письма. Красочные относили на стол Деда Мороза в парадную залу, чтобы еще больше впечатлить взволнованных экскурсантов. Остальные разделяли между собой и отдавали волонтерам города, ведь даже штат резиденции не был способен справиться в срок со всем объемом.

Каждое письмо нужно было вскрыть, изучить и положить в одну из трех стопок. Первая, самая большая, состояла из писем-просьб. Кроме желаемого подарка такие письма не содержали ничего, их просто откладывали в сторону и забывали.

Вторая стопка, уже гораздо меньшая, содержала более творческие и личные послания. Здесь были и рисунки, и стихи, и пожелания Деду, и рассказы о себе. На такие письма резиденция высылала ответы: красивую открытку с поздравлением и благодарностью. Правда, иногда ответ ребята получали уже весной и даже в начале лета.

Самая тонкая пачка писем была уникальной, ведь по этим адресам приходила не только поздравительная открытка от Деда Мороза, но и коробка конфет или небольшая игрушка. Начальство само формировало эту стопку: несколько посланий попадали сюда наугад (это действительно были везунчики), парочка добавлялась за необычный креативный подход, но остальную массу составляли конверты, адреса и фамилии на которых были значимы для руководства. Эту стопку просматривал сам президент или глава округа, чтобы выбрать несколько счастливиц, которые получают на Новый год именно тот подарок, который указан в письме.

Весь город жил Новым годом, создавая чудеса на каждом углу для многочисленных туристов. Заливали разноцветным льдом катки, украшали мерцающими гирляндами деревья, наряжали памятники и дома. Проводили праздничные квесты, прятали подарки в укромных местах городских скверов, наряжались в сказочные костюмы и встречали гостей прямо у вокзала. Любой житель мог помочь создать праздничное настроение в городе. И любой мог стать волонтером Деда Мороза.

Ольга Тимофеевна жила одна очень давно. Она привыкла обходиться сама, ей было легко и свободно. Хочешь, питайся неделю одним салатом или купи только себе самый вкусный торт без повода. Хочешь, мой полы каждый день или никогда. Хочешь, бери горячую путевку в санаторий и пропадай на месяц, никому не сказав. Покори горы, одолей бушующую реку, порыбачь в тихом местечке, нисколько не смущаясь полным неумением. Ольга Тимофеевна привыкла рассчитывать на себя, это ее нисколько не утомляло. Легко и свободно. И лишь изредка немного грустно.

В этом году она решила посвятить себя детям и записалась в волонтерскую программу новогодней почты. Утром назначенного дня курьер передал ей мешок писем и инструкцию.

- Позвоните, когда закончите и будете готовы получить новую партию, - сказал курьер, покрасневший от мороза. Пар валил изо рта и от головы, когда он приподнял шапку, чтобы вытереть пот.

Как только газелька затарахтела дальше по улице, Ольга Тимофеевна принялась за работу. Подготовилась она основательно. У письменного стола стояли три большие коробки для сортировки. Таймер был заведен на час, чтобы не забыть сделать небольшой перерыв и размяться. На плите терпеливо ждали ковшики с обедом – чтобы только разогреть, не тратя время на лишнюю суету.

Женщина развязала мешок, достала первое письмо:

«Здравствуй, дорогой Дедушка Мороз! Спасибо тебе за прошлогодние подарки! Мне они очень понравились. Я бы хотела тебя попросить, чтобы люди не загрязняли экологию, и наша планета была чистой. Принеси, пожалуйста, дедушке килограмм мандаринов, бабушке – новые очки, для папы то, что его порадует, для мамы – чтобы она выздоровела и тушь для ресниц, а для меня – то, что я заслужила за этот год. Я обещаю

тебе, что буду лучше во всем. Буду хорошо учиться, слушаться родителей и соблюдать заповеди. Даша, 10 лет.»

Ольга Тимофеевна пожевала губу. Рисунка нет, но написано хорошо, девочка думающая! Женщина аккуратно опустила письмо во вторую коробку. Взяла следующее:
«Дорогой Дедушка Мороз! Спасибо тебе за подарки в прошлом году! Принеси мне, пожалуйста, братика или сестричку, хочу катать их в колясочке. Алина».

Ольга Тимофеевна улыбнулась. Письмо было милым, но коротким, однако класть его в первую коробку не хотелось.

«Здравствуй, дорогой Дедушка Мороз! Поздравляю тебя с наступающим Новым годом! Надеюсь, ты не болеешь и у тебя все хорошо. У меня все хорошо, за этот год я вырос на 7 сантиметров. Я уже в пятом классе, учусь на 4 и 5. Я очень люблю играть в хоккей с друзьями, но ботинки мне стали маленькие и жмут. Дорогой Дед Мороз, подари мне, пожалуйста, новые хоккейные ботинки! Спасибо, до свидания! Твой Олег.»

К тексту был приложен рисунок нужных ботинок, быстрая схематичная зарисовка. Не цветной, маленький – видимо, это в коробку №1.

«Дед Мороз я хачу машинку децкую ище я хачу крацтруктар ище што хочеш падали толка не адежду и не махкие игрушки.»

А это писал совсем малыш, который и рад бы, но не может соревноваться в творчестве со взрослыми школьниками. И его письма тоже на выброс? Только из-за возраста?! А ведь именно малыши больше всего верят в чудеса.

«Дедушка Морос. Падали мне набор теплых насков чтобы ножки были в тепле. Спасибо, Денис.»

Ольга Тимофеевна невзначай бросила взгляд на подоконник, где уже с месяц лежал клубок ниток с торчащими острыми спицами. Довязать бы.

«Дед Мороз! Пишет тебе Степа. Подари мне пожалуйста конструктор, папе - крепкие нервы, маме - дочку, бабе – здоровья.»

Ольга Тимофеевна вздохнула, протерла очки. Работа, оказалась не такой уж легкой. Весь мешок хотелось, не задумываясь, высыпать во вторую коробку, чтобы детям пришлось хоть что-то в ответ. Конечно, восстановить экологию, подарить братика или устроить мир во всем мире не во власти местной резиденции Деда Мороза, но вот носки или конструкторов... Разумеется, родители, скорее всего, видели письма своих чад и, зная их чаяния, подарят то, о чем просят малыши. Без подарков ребята не останутся. И все же, когда отправляешь настоящее письмо по почте, очень хочется обнаружить в почтовом ящике ответ.

Ольга Тимофеевна встала, заложив руки за спину, прошлась по комнате, что-то бормоча себе под нос. Потом решительно села, надвинула очки до самых бровей и, нахмурившись, взяла новый конверт. Работа есть работа.

Солнце приветливо заглядывало в комнату, освещая поникший фикус. Растение немного воспряло, прижалось к ледяному стеклу. За окном заливались смехом дети, куда-то неслись прохожие, перепрыгивал через колдобины автобус. Ольга Тимофеевна давно привыкла к этому шуму, за работой она не замечала ни мельтешащих прямо у подоконника ног, ни грохота машин. Старый дом, где она прожила всю жизнь, с каждым годом все больше врастал в землю, зарывался под новую мостовую. Примыкавший к стене забор, поддерживал его изо всех сил. Но и он уже немного покосился со стороны заднего двора. Весной надо будет править, красить, ведь все вокруг оживет. Почему бы не ожить и облешему забору: и он когда-то был деревом!

Закончив раньше отведенного на сегодня времени, Ольга Тимофеевна решила прогуляться, пока еще не стемнело. Затворив скрипучую дверь, она не спеша спустилась с крыльца. Смахнула снег со ступеней веником, стоявшим у лестницы. По расчищенной тропе добралась до забора, открыла калитку. Мир распахнулся, раскрылся, заглянул в тишину увядающего дома. Женщина натянула рукавицы. Куда же отправиться?

Ноги сами повели по заснеженной улице. Мимо магазинов, остановок, сувенирных лавок, катка с большой елкой по центру. Мимо парка, нечищенных дорожек, кормушек для птиц, серых белок, снеговиков, полуразрушенных снежных крепостей. Мимо спящих деревьев, сказочного колодца, кованых ворот нараспашку, домика кассы... Нет, тут все-таки пришлось остановиться.

Ольга Тимофеевна сняла зимнее пальто, отряхнула от случайных снежинок, протянула гардеробщику. Спрятав номерок в нагрудном кармане блузы, прошла в парадную залу. Она и сама не знала, зачем пришла. Острое ощущение несправедливости и обида за детей не могут привести взрослую женщину на митинг! Это просто глупо идти против системы, качать права. Но узнать-то, узнать...

За столом скучал Дед Мороз, усердно делая вид, что занят работой. Круглые очки без диоптрий, роскошное перо и баночка с высохшими чернилами.

- Здравствуйте, - Ольга Тимофеевна подошла близко, чтобы ее не услышали оставшиеся экскурсанты.

Новогодний волшебник поднял голову, привычно протянул визитку с автографом.

Странная женщина не взяла, она спросила:

- Вы пишете ответы на детские письма?

- Конечно! – приосанился Дед Мороз.

- И отвечаете всем? – с подозрением уточнила посетительница.

Актер замялся, и Ольга Тимофеевна поспешно добавила:

- Я одна из городских волонтеров, помогаю читать корреспонденцию.

Человек в шубе с облегчением выдохнул, покосился на зазевавшегося в зале мальчика. Ольга Тимофеевна проследила его взгляд, терпеливо дождалась, когда комната опустеет и продолжила:

- Вам не кажется, что существование коробки №1 – насмешка над детской мечтой? Ребенок старается, пишет, ждет, а взамен?

- Подарки дарят родители, - актер равнодушно развел руками. - Мы не благотворительная организация.

- Понимаю. Но хотя бы поздравительную открытку! Ни по стилю изложения, ни по творческим возможностям не может пятилетний карапуз конкурировать со школьником!

- Вы предлагаете, ввести разделение писем еще и по возрасту? – иронично бросил мужчина, которому начал надоедать этот разговор.

- Я предлагаю отвечать всем! – резко бросила Ольга Тимофеевна, в сердцах даже кулаком по столу стукнула. Как точку поставила. Зря, конечно.

Актер хищно прищурился, встал из-за стола.

- А ну-ка пойдете.

Они покинула залу через небольшую боковую комнату, поднялись по самой обычной лестнице на второй этаж. Унылый коридор с множеством дверей, привычные серые таблички: бухгалтерия, директор, отдел кадров... Множество одинаковых дверей и одинаковых табличек. Рутинная. Все волшебство Нового года осталось внизу.

- И таких комнат три, а иногда приходится занимать и подсобное помещение, - актер распахнул одну из дверей, пропуская Ольгу Тимофеевну вперед. Однако далеко пройти ей не удалось: вся комната была заставлена почтовыми мешками. Верхние полки стеллажей подпирали мешки, стоящие на нижних. Единственное окно пропускало луч тусклого света – сколько позволяли загородившие его мешки. Половину прохода занимали опять мешки. Туго набитые, они, казалось, распирала комнату: бедняжка трещала по швам.

Ольга Тимофеевна несколько опешила, отступила.

- Но если нанять больше персонала... В конце концов, ребята будут рады ответу и с небольшой задержкой, не в январе...

- Некоторые открытки приходят в апреле и даже в июне, - отрезал актер, захлопнув дверь. – Вы, как я понял, пришли ко мне как к работодателю? Я так и отвечу Вам: идите и

сортируйте, раз взялись помогать. Жизнь вообще несправедлива, кому-то повезет в другой раз.

- Или никогда!

- Или никогда, - благосклонно повторил человек.

Ольга Тимофеевна задыхалась от возмущения. Актер наслаждался триумфом, он вообще любил ставить людей на место.

- Вот у вас есть дети? – наконец, прошипела посетительница.

- Выросли, - самодовольно улыбнулся актер. Оказавшись вне парадной залы, он сразу снял шубу, бороду и превратился обратно в едкого лысеющего человечка, утратившего веру в добро, чудеса и людей в целом.

- Внуки? – Ольга Тимофеевна не собиралась сдаваться.

- Им все купят родители.

- Но как приятно получить настоящее письмо от Деда Мороза! Они ведь так ждут! – с жаром воскликнула Ольга Тимофеевна.

- А почему писать его должен я?! Родители напишут, если им это важно. Это их дети.

- Ну, знаете!

Ольга Тимофеевна давно так не возмущалась. Она резко развернулась и, не прощаясь, громко затопала по коридору к выходу.

По дороге она немного остыла. В конце концов, это действительно дело родителей, а работа есть работа. Так положено во взрослом суровом мире, где есть одно «должен» и не место чуду. Но если ты, взрослый до мозга костей, позволил себе влезть в мир детей, почему так грубо перекраиваешь их мир по своему усмотрению?! Почему хочешь подмять все по себе, сломать, растоптать, даже не пытаешься хоть на мгновение взглянуть детскими глазами, прочувствовать, поиграть по их правилам?! Чего боишься?

Ольга Тимофеевна скинула пальто, устало опустилась на стул в собственной прихожей. Каждому борцу за справедливость иногда нужно немного отдохнуть. И выпить чаю. Выдохнуть, выкинуть из головы все мысли, успокоиться, стать зеркальной гладью озера, чтобы на его поверхность всплыла единственно верная мысль.

Уже засыпая, женщина вспомнила, что у какого-то мальчика мерзнут ножки, а ведь у нее на подоконники отличные шерстяные нитки, и надо бы довязать... Довязать и померить. И письма дочитать. И отправить курьером отсортированное. А все-таки хорошие нитки, прочные и теплые. Сама выбирала. И отправить. Сама. Самой...

Ольга Тимофеевна спала, и во сне вершила справедливость. Открывала комнаты, из которых сразу вываливались мешки, собирала всех жителей города на подмогу, писала, читала, снова писала. Местное отделение почты полностью перешло на отправку новогодних открыток. А этот тщедушный старикашка-актер бегал по городу и разносил подарки, весь взмыленный и задыхающийся от объема работы. А то штаны уже протер за столом круглые сутки сидеть и бездельничать – сурово решила во сне Ольга Тимофеевна, доверху загружая подарками старенькую курьерскую газель.

Проснулась она от скрежета. Голубь расхаживал по подоконнику, заглядывал в окно, стучал клювом. Ольга Тимофеевна сладко потянулась, медленно, чтобы не закружилась голова, встала, накинула пальто и вышла во двор. В глубине ее небольшого сада висела старенькая деревянная кормушка. Синички и воробьи уже нетерпеливо перебирали замерзшими лапками, кратко чирикали, расположившись на кустах вокруг.

Покормив птиц и немного полюбовавшись их оживленным мельтешением, женщина вернулась в дом. День обещал быть хорошим: она точно знала, что ей следует делать.

Покончив со всеми утренними процедурами, Ольга Тимофеевна достала полупустую амбарную тетрадь, безжалостно вырвала исписанные страницы, а потом, высыпав на стол содержимое коробки №1, принялась аккуратно переписывать адреса с конвертов.

Через неделю она передала курьеру идеально отсортированные письма, расписалась за получение новой партии. Потом поступила так еще несколько раз, всегда удивляя своим

спокойствием и доброжелательностью. Больше никакой битвы за справедливость и поиска правды. Пусть идет, как идет: зачем рушить чужую систему, когда можно создать свою?

Дней за десять до Нового года Ольга Тимофеевна заявила на почту с огромным мешком, так туго набитым письмами, что простоять у почтового ящика ей пришлось не меньше часа, а потом отправиться в другое отделение, потому что здесь все отправления уже не помещались.

Дети были в восторге.

Вернувшись с зимних каникул, Таня обнаружила в почтовом ящике красивый голубой конверт с заветным адресом на свое имя. Внутри была небольшая, но очень красивая открытка и белоснежная снежинка, искрящаяся на свету всеми цветами.

Когда Олег открыл письмо, ему на ладонь выпал небольшой магнит – привет от Деда Мороза и старинная, еще советская праздничная открытка с играющими вокруг елки в хоккей ребятами. Уже несколько дней мальчик с упоением гонял на катке в новых ботинках.

Денису пришлось идти с мамой на почту, чтобы забрать странную посылку. Внутри он с радостью обнаружил вторую пару теплых шерстяных носков (первую Дед Мороз положил под елку в новогоднюю ночь). Олени весело бежали по кругу, над ними плыли серебристые облака, под копытами переливались сугробы.

Вера долго сомневалась и разглядывала буквы: вроде не мамин почерк, не папин – бабушкин? Нет, бабушка совсем по-другому выводит «б», а дед не стал бы заниматься таким ребячеством. Неужели?... Девочка затаила дыхание, вытащила из конверта поздравительную открытку и маленький бубенец. Внизу открытки была приписка: «звон слышан только тем, кто еще верит». Вера услышала.

Ваня и Саша чуть не подрались, пока папа искал в почтовом ящике среди рекламных флаеров второе письмо. Каждое было адресовано своему получателю, но читать мальчики еще не умели – пришлось на слово поверить папе, где чье. Вместо текста внутри была яркая наклейка с Дедом Морозом в сказочном тереме и по маленькой фетровой елочке каждому.

Тася улыбалась до ушей. Не в силах сдержать радости, она влетела в комнату еще спящих родителей:

- Смотрите, что брат обнаружил в почтовом ящике! Это мне, представляете, от самого Деда Мороза! Он все-таки ответил!

Спросонья родители удивлялись смекалке старшего брата, тот недоуменно пожимал плечами. Тася восторженно скакала по комнате, размахивая кусочком полупрозрачной белой ткани с вшитыми блестками:

- Смотрите, моя кукла теперь будет совсем новогодняя снежинка!

Новый год отгремел праздничными фейерверками. Съедены были все мандарины, выпито шампанское. Город затих, застыл, растворился. Наконец, стало слышно птиц и хруст под ногами снега. Люди выползали на улицу к обеду, лениво брели друг к другу в гости. Вечерами небо изредка вспыхивало краткими салютами. Одни дети резвились в сугробах как прежде, взрослые же отходили от пережитых праздников.

Ольга Тимофеевна очень устала, но ничуть не жалела. Предновогодний марафон остался позади, но женщину все еще наполняла радость от проделанной работы. Блаженно вытянув ноги, укрывшись пледом, она пила горячий глинтвейн и смотрела, как падают крупные снежные хлопья, то сливаясь с темным небом, то вспыхивая оранжевым в ярком кругу фонаря и постепенно угасая, сливаясь с уже нападавшим снегом. Вдруг кто-то громко постучал в калитку. Ольга Тимофеевна, недовольная, что ее выдернули из блаженного уюта, поспешила открыть.

На пороге стоял Дед Мороз. Вернее, тот актер, с которым она имела неприятную беседу в городской резиденции. Только сейчас он утратил весь напыщенный лоск и неуверенно переминался с ноги на ногу.

- Можно войти?

Ольга Тимофеевна молча посторонилась. Закрыв за мужчиной дверь, предложила глинтвейн, как того требовали обычаи гостеприимства.

- Я хотел извиниться. Нашел ваш адрес через курьера, простите за беспокойство. Знаете, я был так зол тогда, что Вы лезете в отработанную систему, ничего не понимаете и...

- Извиняйтесь без обвинений.

- Простите, - гость потупился. – Вы были правы. Это действительно здорово, когда приходит настоящее письмо от Деда Мороза. Моей внучке пришел конверт. Вообще-то он пришел бы ей и так, ведь она моя...вы понимаете. Но она не обрадовалась, когда пришел ответ с открыткой, какой приходит всем из коробки №2. Она сказала, что давно знает, как все устроено. Знает, что Деда Мороза нет, и незачем писать глупые письма. Мы решили, что она уже выросла из этой игры, даже вздохнули с облегчением, хотя и немного грустно было видеть ее разочарованной. Но через несколько дней пришло еще одно письмо. Внучка открывала его и светлела. Из колючего недоверчивого ежонка на наших глазах превращалась в прекрасную легкую бабочку. В конверте была сушная безделица, открытка и маленькая фарфоровая куколочка на елку. Но для нее это стало чудом. Настоящим чудом!

- Что ж, - загадочно улыбнулась Ольга Тимофеевна. – Я рада, что Вы меняли свое мнение. Теперь Вы подумаете над моим предложением?

- На самом деле от меня зависит немного, я всего лишь комедиант, лицо, маска.

Ольга Тимофеевна подала гостю кружку дымящегося ароматного напитка:

- Вы больше, чем думаете. Кем бы Вы себя не считали, а посмотреть приходят на Вас и пишут тоже именно Вам.

- На бороду да шубу.

- Без человека они мертвы, а Вы, кажется, уже способны сделать их по-настоящему волшебными, - Ольга Тимофеевна заговорчески подмигнула. – У моего принтера кончается картридж. Да и полка с безделушками изрядна опустела.

Дед Мороз расцвел, широко улыбнулся:

- Вы думаете? Это все поправимо! За свою жизнь я накопил немало сувениров. На что они мне, пусть послужат чуду, - он с удовольствием отхлебнул из кружки, лукаво подмигнул: - Я в юности увлекался рисованием, такие узоры чертил – закачаешься!

- Итак, впереди целый год, чтобы вспомнить забытый навык!

Кружки глухо стукнулись друг об друга: волшебники скрепили союз.